

С. И. БЫСТРОВ.

ПОМОРСКОЕ
СОГЛАСИЕ

В САРАТОВСКОМ КРАЕ

СО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII СТОЛЕТИЯ ДО 80-Х Г.Г.
XIX ВЕКА.

ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.

СОЧИНЕНИЯ ТОГО ЖЕ АВТОРА.

1. „По Востоку“, путешествие по Палестине, Египту, Греции; 250 страниц со многими рисунками.
2. „Историческая переписка“ (истор. очерк).
3. „На ниве народной“ (рассказ).
4. „За родину“ (рассказ).
5. „По скользкому пути“ (рассказ).
6. „Предания и легенды Востока“.
7. „Иргизское сиденье“ (исторический очерк).

Г о т о в и т с я к п е ч а т и :

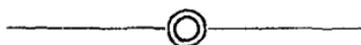
1. „Старообрядцы в Саратове“ (ист. очерк в 6 главах).
2. „Черемшан“ (скиты на Волге), ист. очерк в 8 главах.
3. „Старообрядческие духовные стихи, их слагатели и носители“, опыт иссл. в 12 гл.

В нашей брошюре „**Поморское Соглашение в Саратовском крае**“ получилось досадное упущение: в перечне материалов (стр. 4) не напечатана (по причине потери) заметка, что к числу истор. материалов относится так же статья *П. Соколова*, „Поморцы и Федосеевцы в Саратовском крае“, помещенная в журн. „Христианское чтение“ за 1899 г.

А в т о р.

ПОМОРСКОЕ СОГЛАСИЕ

В САРАТОВСКОМ КРАЕ.

(Со второй половины XVII столетия до 80-х годов XIX в.).

ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.

ИЗДАНИЕ В. З. ЯКСАНОВА

1923 г.

САРАТОВ.

Р. В. Ц. № 1526. Саратов.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Вопрос о старообрядчестве и времени его появления в Саратовском крае относится к самым трудным и неудоборешимым, особенно в его хронологической последовательности. Трудность эта заключается в отсутствии необходимого материала, который, по причине гонений на старообрядцев, уничтожался порой беспощадно. Власть зорко следила за каждым движением старообрядцев: арестовывала подозреваемых еолиц, делала обыски в их домах и молельнях, и все, признанное ею вредным и опасным для устоев «православия», немедленно конфисковывалось. Добытый таким путем материал или уничтожался на месте, или же отправлялся в хранилища и архивы. Для Саратовского края таковым служил, главным образом, архив духовной консистории, куда складывались не только книги и рукописи, но и вообще церковная утварь, отобразившая у старообрядцев. Архив консистории был в этом отношении особенно богат: там хранилось до 3000 дел по старообрядчеству. Казалось бы что имея в своем распоряжении столь богатый материал, историческая наука могла создать обстоятельную и хронологически последовательную историю Поволжского старообрядчества; однако, на деле вышло иное. Весь этот накопленный материал (или почти весь) навсегда утрачен для науки! Исследователь Саратовского края Н. С. Соколов, констатировавший этот факт, так говорит о гибели этих исторических дел: «Судя по описям, в этом архиве должно быть до 3000 дел, касающихся раскола, но большую половину этой огромной цифры приходится сбросить со счетов, так как, или значащихся по описи дел совсем нет в архиве, или же они имеют своим предметом несложные факты conversions в раскол и присоединений к православию... В архиве консистории хранятся дела только с 1831 г.; более же ранние все подвергнуты уничтожению по приказанию особой комиссии, работавшей в 60-х годах над разработкой этого архива. Как ни прискорбна сама по себе эта опрометчивость комиссии; с нею можно бы еще мириться, если бы цены были хотя оставленные ею дела. Но нет и этого: наиболее ценные, наиболее интересные раскольнические дела бесследно исчезли из стен архива, наравне со всеми без исключения раскольническими рукописями, оставленными по распоряжению епархиальных властей в этом архиве для хранения. Быть может, они попали в число тех 5000 дел, которые были выкрадены из Саратовского консисторского архива в 1875 г.» *)

*) Соколов. „Раскол в Саратовском крае“, ХУІІІ.

Немало погибло исторического материала во времена уничтожений старообрядческих скитов, монастырей, когда не в меру ретивые исполнители предписаний «властей» беспощадно предавали все огню и мечу. Документально установлено, что при разгроме одних только Выговских (поморских) скитов, по свидетельству В. Н. Майнова, «было сожжено около 3000 рукописей». *)

Таковы причины отсутствия исторического материала, необходимого для систематической истории старообрядчества, и исследователю, взявшему на себя труд проследить исторический ход событий, приходится оперировать по большей части с отрывочными данными, пополняя последние (где возможно) лишь изустными пересказами старожилов. Если Соколов справедливо жалуется на недостаток материала по исследованию поповщины в Саратовском крае, то по отношению к соглашениям беспоповщинским, и в частности к поморству, жалоба эта еще более справедлива. Поповщина, центром коей в Саратовском крае был Иргиз, более привлекала на себя внимание властей: по поводу Иргизских скитов шла обширная переписка между различными правительственными учреждениями, производились дознания, писались отчеты и доклады, которые почти все уцелели для истории, являясь если не основным, то по крайней мере ценным материалом; тогда как беспоповство стояло в тени в этом отношении. Дальше консистории и губернского правления дела о них редко шли, а если и шли, то в очень ограниченном количестве. В силу этой скудости материала наука весьма мало уделяла внимания историческому исследованию беспоповщинских согласий. Предлагаемый очерк «Поморское согласие в Саратовском крае» и является попыткой ответить этому запросу.

Материалом для своей работы мы привлекаем труды некоторых исследователей, частично уделявших внимание этому вопросу. Вот эти работы: 1) «Отчет графа Стенбока о состоянии раскола в Саратовской губернии по ревизии 1854 г.», 2) «Записка о современном состоянии раскола в Саратовской губ. Артемьева», 3) «Записка по ревизии Саратовской губ. Арсеньева», 4) «Дела секретного комитета», 5) «Записка протоиерея Чернышевского», 6) «Саратовские Епархиальные Ведомости», 7) «Раскол в Саратовском крае» Соколова, 8) «Выписка из архивов Саратовского губернского правления и Саратовской духовной консистории, сделанная членом Сар. уч. арх. ком. Г. Г. Дыбовым», 9) некоторые сообщения журнальных статей и 10) воспоминания старожилов.

Труд наш не претендует на полноту исследования данного вопроса; он, как мы уже и заявили, есть только опыт исторического исследования и, как таковой, далеко не свободен от возможных ошибок и оглянок. Мы поставили своей задачей—суммировать разрозненный материал, привести его в некоторую систему и последовательность и, добавив кое-что неизвестное доселе, дать хронологически последовательную картину развития поморства в Саратовском крае с момента его

*) «Историч. Вестник». 1880 г. № 11, стр. 542.

возникновения и до 80-х годов прошлого XIX столетия. Но сколько нам удалось выполнить эту задачу, судить, конечно, не нам.

Для тех, кто представляет себе недостаточно ясно, что такое «поморство» и каковы его верования, мы скажем здесь два-три слова, воздерживаясь при этом, от каких-либо суждений и выводов.

Поморцы—наименование географическое, указывающее на то, что предки старообрядцев, «не терпя лютых озлоблений Никоновых», бежали в разные отдаленные места и в том числе «в поморье» или «приморье» Белого моря, и там, в дали «от зоркого ока властей предержащих», устраивали свои жилища. В этих местах, между Северной губою Онежского озера и Онежскою губою Белого моря, протекает река Выг, спадающая в Выгозеро. Здесь го в конце XVII века и возникла знаменитая Выговская пустынь поморского согласия, имевшая весьма важное значение в истории старообрядчества.

Верования поморцев сводятся к следующим основным положениям: со времен патриарха Никона в русской церкви наступило царствование антихриста, который не есть определенное лицо, а совокупность нечестия и отступления от истины. А поэтому священство истинное в мире уничтожилось, нет также и причащения тела и крови Христовой; нет и крещения истинного, потому что «еретическое крещение несть крещение, но паче осквернение». В силу этого поморцы—все миряне: иерархия у них отсутствует. Богослужение совершается самими мирянами. Предстоятельствуют при богослужениях наставники, избираемые из мирян, которые и совершают у них соответствующие требы: крещение исповедь, молебны при бракосочетании и проч. Всех приходящих к ним в общение они перекрещивают вновь, отсюда их называют иногда «перекрещенцами». Поморство делится на два согласия: поморцев брачных, т. е. принимающих брак и безбрачных или, по имени их первоучителя Феодосия «Феодосиевцев». У первых центром была Выговская пустынь, у вторых Преображенское кладбище в Москве.

* * *

I.

Все исследователи Поволжья, различаясь в частности, сходятся в главном—во времени раннего появления старообрядцев в Саратовском крае. Большинство из них относят появление здесь старообрядцев к самому началу «раскола», т. е. ко 2-й половине XVII столетия. Единственно, что не может установить до сего времени историческая наука—это точной даты появления в Саратовском крае старообрядчества, а также имена лиц, занесших сюда «раскол».

— Нельзя указать ни год появления, ни лицо, которое занесло сюда раскол,—говорит протоиерей Чернышевский,—песомненно одно. что он явился здесь очень рано, почти одновременно с другими городами Поволжья. Волга в мутных волнах своих принесла сюда первые зародыши и семена раскола *).

*) Рапорт прот. Червышевского еп. Иакову 1839 г

Не менее загадочным является и то факт, что старообрядцы были обнаружены не только в городах, но и селах Поволжья и притом в самую раннюю пору их существования. В своем описании Камышинского уезда, протоиерей Иван Терновский так говорит об этом: «От Саратова до Царицына нет ни одного села, хутора, где бы жители вместе с вольской водой не всосали в себя и раскол». *)

Откуда же, однако, появилось старообрядчество, и кто был первым пропагандистом его идей в Саратовском крае? Все исследователи, писавшие до сего времени о поволжском старообрядчестве, смотрят на него как на пришлый элемент, появившийся здесь после, и с этой точки зрения пытаются разрешить этот вопрос. Как ни прочно укоренилось это мнение в исторической науке, оно, по нашему убеждению, недостаточно основательно и нуждается в некотором пересмотре. В этой плоскости вопрос о времени появления старообрядцев в Поволжье не может быть решен, в чем уже имели случай убедиться все исследователи этого. Единственное решение этого вопроса, по нашему мнению, заключается в признании, что **первоначальные старообрядцы не пришлый элемент, но коренное население, непринявшее реформ Никона**. Ведь, реформы эти, имевшие целью пересоздать строй русской церкви, касались не Москвы только, но «вся Руси» и, как таковые, породили раскол не в одной Москве, но и в очень многих других городах и селах. И вот часть жителей какого-нибудь города или села не приняла этих реформ: не признала их правильными, и чрез это, по суду церковной власти того времени, стала «раскольнической». Было бы странно думать, что **все** жители Руси единогласно приняли эти реформы, что не было протеста? Напрасно было бы искать «запосителей раскола» в Москву, в Соловки, на Дон. Он появился там, на местах, из тех же самых жителей, не принявших новоисправленных книг, чипов и обрядов. Больше того: последователи старипы не ограничились собственным протестом, они ходили по городам и селам, проповедуя не принимать «новин Никона». Это делал Аввакум, делали его ученики и, нужно сказать, не без пользы для своих убеждений. В Поволжье тоже проникли эти проповедники и проповедали в очень раннее время.

Известен случай, что еще в 1661 году в Царицыне поймали черного дьякона Селивестра вместе с чернцом Иосифом и дьячком Аленкой, которые занимались списыванием для гулящих людей «богоотступных раскольнических писем» **). Это же справедливо и по отношению к Саратову. Возникнув в 1590 г., Саратов во времени раскола русской церкви был уже значительным поселением, и пришедшие сюда указы об изменении церковных чинов и обрядов не могли быть приняты единодушно: несомненно, явились протестующие голоса. Допустим, что их было немного, но все же они были, как были и в других городах и селах тогдашней Руси. Нельзя, конечно, отрицать и того, что печаль старообрядцев прибыло в Поволжье из других мест, но это уже позднее, **первоначальные же насельники явились на местах**, а поэтому искать каких-то таинственных запосителей раскола в Поволжье—напрасный труд.

*) Сарат. Семин. библи. № 2662, л. 191.

**) Дополн. к акт. истор., IV, № 99, стр. 243; сравн. Соколова, 15.

Другой, не менее важный вопрос о том, в какой форме возникло здесь старообрядчество, исторической наукой решается пока предположительно. Одни из исследователей, Г. Артемьев, настойчиво утверждает, что «раскол явился в Саратове в форме поповщины» **), но никаких положительных данных не приводит. Соколов же, ввиду отсутствия положительных доказательств, оставляет вопрос открытым. Весьма ранние исторические известия о тех и других заставляют предположить, что то и другое согласие явились одновременно, или почти одновременно. Если Артемьев считает первыми старообрядцами Поволжьи поповцев, то с одинаковым правом можно сказать это и о беспоповцах, потому что они первые основали свои скиты вблизи Саратова. Об этом, как уже историческом факте, говорит и Соколов:

— Заняв около 1678—1688 г.г. Баранников и Мячев буераки (близ Саратова),—заявляет он,—раскольники устроили здесь свои скиты и, несмотря на все притеснения саратовской администрации, держались в них до 40-х годов текущего столетия—до самой реформы сенатора Денфера» *). Статистические данные говорят, что населенками этих скитов были по преимуществу поморцы. По сведениям гр. Гтенбока в 1835 году в Мечевом буераке было 41 чел. спасова согласия и 84 поморца, в Марьянине 37 поморцев, в Баранниковом—66 спасовцев и 32 поморца; в 1836 г. в Мечевом—23 спасовца, 76 поморцев: в Марьянине—21 поморец, в Баранниковом—39 спасовцев и 24 поморца **).

Преобладание поморства пред другими согласиями беспоповцев истории объясняют усиленной пропагандой их руководителей и особенно жившего в Саратовских пределах Ивана Федорова Ерша (род. в 1695 и умерш. в 1755 г. *). Здесь же подвизался монах Герман, родившийся в 1710 г. и умерший в Соловецком монастыре в 1778 году **).

Многочисленнее других согласий поморство было и в самом Саратове, о чем можно судить по количеству их молелей: в конце XVIII и начале XIX столетия были устроены следующие поморские часовни и молельни: 1) старопоморская—арсеньевская, 2) волковская—новожепов, 3) волковская (песковская)—федосеевская и 4) кабановская, тоже федосеевская ***). Около 1812 г. саратовский купец-поморец Иван Васильев Волков женился на дочери некоего воронежского жителя Федора Козлова. По возвращении в Саратов он устроил в своем доме на Валовой улице молельную, определив туда главным наставником своего тестя и вместе с ним усердно принялся за пропаганду своего учения ****). Число последователей их увеличилось до того, что на ме-

***) Зап. Артемьева, 66.

*) Лето сейм комит XIX, л. 1276.

**) Приложение к „Отчету“. По „записке“ Артемьева, стр. 37—38.

*) Попов Сборник, вып. V.

**) Там же, стр. 97, 99.

****) „Записка“ Артемьева, стр. 36

*****) Волковская молельня, построенная И. В. Волковым, сохранилась и по ныне под именем Спасо-Преображенского храма поморцев.

его домашней молебни пришлось построить обширную каменную часовню, которая стала известною потом под именем волковской. В эту свою часовню Волков дал большой деисус и две старинные иконы. Купец Сосновцев пожертвовал 10 тыс. штук кирпича, а некто Афанасий Жижин—1500 руб. Считая все это собственностью храма, жертвователи 20 сентября 1821 г. дали подписку в том, что все пожертвованное ими «оставляют бесспорно с тем, чтобы и наследникам никому не вступаться». Попечителем часовни до 1847 г. бесспорно состоял Иван Васильевич Волков, ставший потом свою должность Ивану Дмитриеву Ролкову *).

Судя по Описанию волковской поморской часовни, составленному в 1834 г. по поручению епископа Иакова, в ней был иконостас на подобие, как и в православных церквях, с царскими вратами, только без алтаря, без северных и южных врат в нем. Недалеко от правого клироса, в ряд с ним, стоял аналой, евангелие, недалеко от левого (клироса)—аналой с литым крестом. У самого левого клироса—хоругви. Местные иконы у царских врат—старинной работы, украшены серебряными вещами **).

Ревизовавший эту часовню граф Стенбок так резюмирует свое заключение: «Раскольники смотрят на эту часовню с особым уважением,—моления в ней дозволены правительством; раскольников за собрания и совершение незаконных обрядов не преследуют; они с полной свободой могут предаваться здесь всем суевериям (?) и безнравственным привычкам (??), имеющим столь великую прелесть (???) в их глазах. После этого как ожидать, чтобы они покинули свою часовню, отняли от братства?».

Из того же «Отчета» гр. Стенбока видно, что в то время главными лицами при часовне были: 1) купец Леонтий Степанов Финаев, молодой человек, лет 30 и 2) саратовский мещанин Максим Евдокимов Стародубов, оба попечители». Старостой состоял мещ. Иван Григорьев Давыдов и псаломщиком—крест. с. Адоевщины Н. И. Винокуров, совершавший обряды и требы при часовне. Ревизовавший часовню граф нашел способ применить к ней карательные меры и 2-го июня 1854 г. запечатал ее. Причиной послужила замеченная им «вновь выбеленная печь и вставка новых кирпичей в трубе». Для выяснения этого «преступления» решено было произвести формальное следствие по всем правилам и за кэнам. Из описи запечатанной молебни видно, что в ней было найдено древних церковных книг печатных 33, рукописных—47, образов, писанных на досках, 112, 2 хоругви, свеч и огарков 5 пуд. 12 ф. 100 подручников, 50 лестовок. В списке, хранившемся при часовне, числилось 170 семейств, в количестве 839 душ. Один из прихожан часовни некто Лев Егоров Жижин возбудил было ходатайство пред жандармским полковником Языковым, заявляя, что молитвенный дом, как собственность его отца и дяди, принадлежит ему. в доказательство он представил купчую на место, которая была совершена на имя его дяди Афанасия

*) „Отчет“ и приложение к нему, гр. Стенбока.

***) Рукоп. Сарат. д. х. семивар. № 1, л. 156.

Иванова Жижина. Граф Стенбок паше и, однако, это ходатайство не подлежащим удовлетворению, потому что в храмозданной книге отец пропителя вместе с дядьями своими Афанасием и Иваном пожертвовали все часовне, заявив, чтобы наследники не вступались в это имущество. Чем закончился этот процесс, с точностью неизвестно.

Но временам в Цоволье приезжали видные деятели по старообрядчеству из других городов и нередко оставались здесь на жительство. К числу таковых принадлежал купец-дворянин Иван Артемьевич Волков-Песковский, прибывший в Саратов из Калуги. Своими знаниями, организаторским талантом и умением вести общественные дела, Песковский обратил на себя внимание саратовцев и вскоре был избран городским головой. Современник, хотя и не сторонник его по религиозным убеждениям, дает о Песковском следующий отзыв: «Купец, дворянин и кавалер (ордена св. Анны) Волков-Песковский служил главной опорой для саратовских поморцев. Он долго служил со славою в должности саратовского городского головы, был украшен многочисленными медалями и пользовался расположением местных властей *). Сблизившись с московским Преображенским кладбищем, как нейтралом, он прикмул к феодалскому сообщению и род знаком его последнего стал проводить религиозные идеи. На его дворе по Часовниной ул. против старого гостиницево двора еще в 1775 году отцом его была построена молельная, теперь же Песковский построил новую обширную, в виде двухэтажного каменного дома. Здание строилось, по описанию гр. Стенбока, специально для молельной: восточная стена не имела окон, а этажи некогда не были разделены полом. Вся восточная стена до потолка была занята 5-ярусным иконостасом. К северной и южной стенам приделаны деревянные клиросы. У западной стены для помещенны женщины—ангросолы, или хоры, под которыми две комнаты: одна назначалась для женщин, другая была передней **). При часовне, как сообщает прот. Чернышевский,—«жило до 50 баб и девок, совершавших богослужение и распространявших раскол ***).

Епископ Иakov, как ревностный искоренитель «раскола», давно вскопа поглядывал на опасного пропагандиста, по авторитету Песковского мешал ему проявить свою «настыркую» деятельность. Но вот 4-го июля 1839 г. Иван Артемьевич скончался, и Иakov немедленно приступил к «делу». Он возбудил энергичное ходатайство о закрытии часовни, как опасного рассадника раскола. Наследники Песковского представили просьбу, в которой заявляли, что молельная построена 35 лет тому назад, т. е. в 1804 г., а потому, за давностью времени, просили ее оставить. Несмотря, однако, на все принятые хлопоты, сверху пришло приказание уничтожить молельную, и 16 мая 1840 г. она была запечатана, иконы и книги переданы в консисторию, а жившие в кельях 18 женщин и 1 мужчина были оставлены при условии, чтобы не увеличивать этого числа ****).

*) Записка прот. Чернышевского.

**) „Отчет“ гр. Стенбока.

*) Записка пр. Чернышевского

*) Дело канц. губери. 1839 г. № 288

Строительство поморских часовен шло почти одновременно в нескольких местах. Помимо Песковской возникла еще молеельня, построенная Степаном Яковлевичем Кабановым-Никитиным, на его месте, по Сергневской ул. *).

Часовня была построена в 1811 году, с разрешения губернатора Панчулидзева **), при которой жило свыше 20 чел. обитателей. От глаз постороннего наблюдателя часовня была скрыта обширным садом, обнесенным высоким тыном. По описи, сохранившейся при делах губернского правления, видно, что часовня была деревянная, построенная на каменном фундаменте; в длину она была 5 саж. 2 арш., в ширину 4 саж., в высоту 1 с. 2 арш. По восточной стене внутри устроен иконостас, по сторонам—два клироса и отделение для женщин. Настоятелем часовни был московский мещанин Афанасий Антонов, преклонный старик, которому в 1834 г. было 81 год. Другим наставником был Гавриил Васильев, считавшийся распространителем поморства в Самодуровке, Хвалынского у. ***).

Ставленная грамота, выданная на имя настоятеля Кабановской часовни, свидетельствует о том, что саратовские фодосеевские общины были в это время в зависимости от Преображенского кладбища, получая отсюда наставников и певцов, а также покупая богослужебные книги и иконы. Ввиду важности этого документа (ставленной грамоты) как образца духовных отношений «митрополия» к наставникам, позволим себе привести его здесь целиком:

— «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас. В правдоверии обретающимся братьям нашим о Христе г. Саратова Семену Павловичу, и прочим всем от мала и до велика, о Господе радоватися. Не безызвестно всему роду христианскому, что (два слова неразборчиво) надлежит иметь во всяких местах духовных правителей, поелику и ваши страпа, подлежащая здешнему московскому ведомству, кая обормляема была посылаемым от нас братом Лукою Терентьевичем, ныне же за слаюю надлежащих здесь нужных требуюостей, ему вас править сталося не в силах, вместо которого общественным советом изборолом мужи верна Афанасия Антоныча, могуща благочестие и порядок правов благих по силе своей править, посылаем, которому о. духовный, благословляя поручает всякие христианские позволенные правилами св. отец нужды отправлять, а в недоумительностях относиться здешнему месту, почему имейте его все христианское сословие от мала и до велика себе в настоятеля и окормляяся им здравы будите, аминь. Дата московского Преображенского богаделенного дому, от храма Успения Божией Матери, за подписанием надлежащих лиц, с приложением того храма печати. Генваря 31 дня, 7318 года ****).

Строитель молеельни Кабанов считался опасным своратителем «православных» в поморство и за ним считалось немало таковых дел. Особенно значительное «дело» вышло на этой почве в 1837 г. В интере-

*) На этом месте теперь дом Ренке, близ triumphальной арки.

***) Дело губ. правл. № 145.

****) Записка Артемьева, стр. 73.

*****) 1810 г. Сарат. Епарх. Ведом. 1882 г.

сад «выпущено» уловления старообрядцев в православие» епископ Иаков учредил в Саратове «общество благочестивых» из лиц, наиболее преданных «православию». Желая особенно выслужиться пред его преосвященством, некоторые члены общества устраивали ловушки для старообрядцев, притворно соглашаясь перейти в старообрядчество. Одной из самых ревностных была камышинская мещанка Елена Серебрякова *). Испытанная в этих делах, Серебрякова устроила «ловушку» и Кабанову. Отмечая «подвиг» Серебряковой, Иаков в донесении своем Синоду излагает и такой факт. «Последняя (т. е. Серебрякова) была многократно склоняема саратовскими поморцами перейти в их ересь и окреститься по их обычаю: притворно соглашаясь на сие, она донесла о том мне. При содействии полиции поморцы были захвачены совершенно приготовившимися к произведению над Серебряковой обряда переkreщения. Участников было много». Ввиду этого Иаков ходатайствовал о награждении Серебряковой за изъясненное открытие 100 руб. и Синод 28-го февраля 1838 г. уважил это ходатайство **).

Епископ Иаков не вполне правильно передает факт обращения Серебряковой в поморство. «Честь» раскрытия этого «преступления» принадлежала не ему, но его благочинному—протоиерею Чернышевскому. Дело было так. Упомянутая Серебрякова пришла к Чернышевскому и заявила, что ее сбивают поморцы перейти в их веру: хотя это и против ее желания, но она уже дала слово, и завтра в 11 час. утра, в саду Кабанова ее будут крестить. Протоиерей Чернышевский немедленно отправился к полицеймейстеру Емельянову и попросил в свое распоряжение наряд полиции. Солдаты были даны, и протоиерей, прихватив с собою двоих иподиаконов и дьячков и несколько человек понятых, отправился в сад Кабанова. «Когда пришли к саду,—рассказывает автор описания—протоиерей с полицейскими стал у ворот, а иподиаконы с понятыми и дьячками со стороны Волги перепрыгнули через забор и спрятались в винограднике. Пристав потребовал отпереть ворота, и все вошли. В это время из моделики к пруду выходила процессия: женщина, что приходила к протоиерею и двенадцать девок были одеты в белые сорочки, у каждой в руке по свечке. И пош ****) с причтом шел с ними. Всех раскольников накрыли и забрали. Пристав составил акт, и модельню закрыли ****).

В дальнейшем выяснилось, что Серебрякова решилась переkreститься в поморство «по убеждению духовенства, желавшего открыть законопротивные действия поморян *'***)

Как бы там ни было, по «делу» дан был ход, и комитет министров 19-го декабря 1839 г. постановил: Афанасия Антонова сослать в Закавказский край; Кабанова же на 2 недели в тюрьму. Но ввиду преклонности лет Кабанова (70 лет) и болезни приговор о нем все отменялся, а 24-го мая 1843 г. он скончался. Об Антонове же полиция донесла,

) Соколов. „Раск. в Саратов. кр.“ 338—340

*) Собран. постановл. по части раскола, 1860 л. II. 327—328.

**) Т.-е. наставник.

**) „Русская старина“ № 11, 1912 г.

**) Рукопись Саратов. дух. семина. № 1, л. 168.

что он умер 29 апреля 1840 г. и похоронен в Саратове, на раскольниковском кладбище, с дозволения полицеймейстера Бартелева. В 1844 г. из министерства внутренних дел последовал запрос, на каком основании дано разрешение похоронить Антонова?

— «В полученных министерством внутренних дел особых сведениях значится, будто донесения полиции губернскому начальству о смерти Антонова последовало неосновательно, и этот раскольник по умру, а выехал из Саратова бесприсягательно».

Подозрение министерства оправдалось: «приведенное следствие не только не убеждает в смерти Антонова, но даже наводит сильное сомнение», — заявило в ответ саратовское губернское правление *).

Как ни старалась полиция и особенно духовная власть искоренить «раскол» в Саратове и его пределах, последний рос, точно из земли. И в губернское правление и в синод донесения о появлении то тут, то там или «раскольниковчей» молельни или скита, или о каком-либо со-
 вращении. Миссионерские очи зорко следили за всем этим и не скупились на донесения. Так, 13 апреля 1815 года саратовский архиерей Афанасий доносил синоду со слов саратовского благочинного Николая Скопича, что «близ новоустроенного Спасо-Преображенского монастыря, в конце 3 версты, на большой московской дороге, построена раскольниковская обитель или убежище для женщин с именуемой от них молельной, в нарочито купленным для сего саду. Строители сей обители суть поморской или перекрещеванской секты, для коей она устроена в последнее время. Хотя же гласно не объявляют, кто они таковы, однако, по замечанию более в сем участвуют саратовские купцы Семен Прядильщиков и Иван Волков. Последнего благочинный много спрашивал, с чьего дозволения они то делают и получил ответ, что по примеру заведенных в Москве и Астрахани старообрядческих богаделен».

Запрошенный по этому делу саратовский губернатор отвечал, что в Саратове есть 3 раскольниковские обители для призрения престарелых: 1) в 3 верстах от города, по Астраханской дороге, существует около 60 лет; 2) устроенная еще раньше, в 4 верстах, по Московскому тракту, в Мечевом буераке, в 2 верстах от Спасо-Преображенского монастыря и 3) в саду Волкова, в 2 верстах от Мечевого буерака, заведена с давних лет, а богадельня и молельня устроена в 1811 г.».

Комитет министров 22 декабря 1817 г. постановил: «Прократить происходящий по сей части беспорядок от невнимательности губернского начальства к предписаниям высшего правительства, а потому и сделать от сената выговор бывшему саратовскому губернатору **).

После этого было решено обратить должное внимание на саратовские буераки, где свили себе прочное гнездо поморские отшельники. Буераки эти заселялись свободно и из этих вольных поселений образовались целые поселки. Местные власти знали, конечно, о существовании этих скитов, но не обращали на них особенного внимания, и только после упомянутого внушения министерства решили наконец официально взять на де-

*) Дело губ. правл. 1844 г. № 64.

**) Дело синода 1815 г. № 364.

де за это встал новый заместитель губернатора кн. Голицын. В 1827 году он произвел секретный обыск в буераках и нашел в Баранниковом буреаке 76 гелн, из которых 42 построены до 30 сентября 1822 г., а 34—после в них живет 106 чел. В Мечевом—83 кельи с 116 чел. обитателей; в Несковском—11 кельи, с проживающими в них 37 чел. Большинство проживающих в буреаках принадлежало к поморскому и спасскому согласиям²⁾.

Сюда же обратил свои взоры и епископ Иаков. Он проектировал переселить обитателей буреаков в город, но губернатор Степанов отклонил это предложение. Не усвоившись этим, Иаков предлагал построить в буреаках православную церковь и поручить палзор за проживающими там старообрядцами «православным» надзирателям. Заменявший Степанова Бибиков так на это согласен и предписал полицеймейстеру Демоскино назначить таких надзирателей^{3*)}. Кроме того, в буреаках поселился, по настоянию Иакова, миссионер-перомонах Палладиий, который постоянно доносил ему о всех событиях в скитах и своей деятельности там. Но решительный удар скитам нанес сенатор Денфер, ревизовавший Саратовскую губернию в 40-х годах. Озабочившись с положением дела и теми мероприятиями, которые проводились местными властями, Денфер нашел, что надзора за этими буреаками быть не может, и что поэтому нужно совершенно упразднить их^{4***)}. Мнение сенатора было признано целесообразным, и полиция предписано действовать в этом направлении. Насколько ретиво последняя действовала, можно судить по тому, что спустя с небольшим 3 года, а именно, 15 ноября 1841 г. саратовская полиция доносила, что в Баранниковом и Мечевом буреаках кельи все сломаны и осталось только два молитвенных дома. Позднее и их постигла та же участь. Из журнала губернского правления 28 марта 1845 г. видно, что остальные молитвенные дома проданы на слом православным и деньги отосланы в приказ общественного призрения, а гелны, как в двух первых, так и в Марьянном буреаке все снесены^{4****)}.

Таким образом, 1845 год может считаться годом упразднения саратовских скитов. Это не были известные центры старообрядческого пустынножителства, как Выг, Керженец, Ирғиз, не блистали роскошью церковных украшений, не славилась проветительною деятельностью, но все же служили убежищем от мирской суеты, тихой пристанью, где находили душевное утешение многие, ищущие «града грядущего», для коих «вяти пустыни» составляли все, что есть ценного в этом мире... Вполне естественно, что память старожилов хранит еще о них свои предания, и седовласые старцы, проходя этими урочищами, указывают места бывших поселений отшельников, рассказывая о них много поучительного и интересного, а подчас и легендарного...

Понемногу были закрыты волковская и кабановская часовни, которые столько времени смущали покой епископа Иакова. Иногда случались явления, ничто опасного со стороны старообрядцев для «православия»

²⁾ Дело секрет. комит. т III, стр. 530—531.

³⁾ Дело канц. губери 1835 г. № 2.

⁴⁾ Дело секрет. комит. т XIX л. 1277.

⁵⁾ Приложение к «отчету» гр. Стенбока.

не представляющее, поднимало и духовенство и полицию на ноги и заставляло бить шумную тревогу. Такое явление мы наблюдаем в 1843 г. Один из священников саратовских церквей, повидимому, Ильинской, некто М. Воронцов, доносил Иакову, что с недавнего времени в эту часть города за Ильинским мостом, особенно начали переселяться раскольники поморской секты, ставя свои кельи при домах таких же раскольников, так что в конце прошлого года их оказалось мужчин—36, женщин—56 душ, тогда как в 1834 г. их было мужчин—16, женщин—14. Такое умножение их в одном околке должно быть не без цели Шабошниковы, Ягины и Кабановы между собою родные и, как ревнители раскола, особенно покровительствуют поселившимся здесь раскольникам, питая их праздность и леность» *).

Что ответил Иаков на это донесение и какие меры предпринял против надвигавшейся «опасности», не известно, но позднее, а именно в 1856 г. было издано специальное постановление на предмет причисления старообрядцев к тому или иному сословию в городе. Причиной издания этого постановления послужило ходатайство 45 семей поморцев вольноотпущенных, пожелавших причислиться к саратовскому мещанскому обществу. В ответ на это ходатайство последовало следующее решение, помеченное 9 июля 1856 г.: «По доведении, особо установленным порядком, до сведения государя императора ходатайства проживающих в Саратове 45 семейств вольноотпущенных раскольников поморской секты о причислении их к тамошнему мещанскому обществу и представлении по сему предмету начальника саратовской губернии, его величество повелеть соизволил: «Разрешить причисление вышеназванных просителей к саратовскому мещанскому обществу, обложив их окладом податных платежей со времени 9 переписи, а общественных со дня причисления, и так как из числа просителей некоторые, по отзыву начальника губернии, известны за особенных приверженцев раскола, то учредить за действиями их строгий надзор со стороны полиции с тем, что если надзором сим будет обнаружено действительно вредное влияние сих лиц на укоренение или распространение раскольнических заблуждений, то с ними поступить по всей строгости законов. Причем его величеству благоугодно было повелеть объявить всем означенным раскольникам, что они немедленно будут выслены из Саратова, если станут распространять свою ересь или оказывать соблазы для православных» **).

Никаких «ересей», ни «соблазнов» поморцы, повидимому, не оказывали, так как никаких судебных процессов за это время за ними не числилось.

II

Вопрос о появлении поморцев в уездах Саратовской губернии не менее темн и неясен для исторической науки, чем изначальное появле-

) Дело дух. комит. 1843 г. № 835, л. 1.

*) «Собрание постановлений», стр. 441.

ше их в Саратовском крае. И это по тому же неверному исторически взгляду на старообрядчество, как на пришлый элемент. Следуя своему воззрению, мы утверждаем, что старообрядцы и в селах появились из местных жителей в момент раскола церкви при Никоне. В тех же селах и деревнях, кои возникли после 1667 г. времени окончательного осуждения старообрядцев, поморство распространилось частью из Саратова, частью из соседних мест, где цифровых данных на этот счет представить невозможно, за отсутствием необходимого материала, но по ходу расселения старообрядцев по селам саратовской губернии можно судить, что это было именно так, а не иначе. В последнем случае мы вполне разделяем тот взгляд, который господствует в исторической науке и представителями коего являются наиболее видные исследователи Саратовского края. Большинство из них полагают, что поморство распространилось по уездам из Саратова, начиная с ближайших уездов. И так как руководители поморства всегда стремились к пропаганде своего вероучения, то естественно, что поморское согласие с течением времени значительно увеличилось в своей численности. Черту проповедничества в поморстве подметил еще Арсеньев, который в своей «Записке» так говорит об этом: «Прозелизм составляет отличительную черту в характере сектантства, особенно поморства; лжеучители, которых между ними особенно много, ставят своей исключительной задачей распространение и поддержание раскола» *). И вот мы видим, как одна за другой возникают поморские молельни в более известных селах саратовского уезда: в Ключах, в Базарном-Карабулаке, в Чертанле **). Из «Отчета» гр. Стенбока видно, что в Ключах поморско-федосеевская секта существует с 1830 г., хотя местные жители считают более раннее время. Молельная.—продолжает Стенбок,—находится при доме кр. Сидора Зайкина, главного ее почитателя, в отдельном деревянном строении, в котором могут поместиться до 100 человек. В нем устроено две комнаты, разделенные стенами: одна для мужчин, другая для женщин. Строение, повидимому, ветхое, но может еще долго продержаться, если принять в соображение, как ловко умеют чинить их раскольники: ветхий, гнилой лес они заменяют старым, но прочным, которого от прежнего отличить нельзя» ***).

Из сел Камышинского уезда, отличающимися наибольшим развитием поморства, является с. Золотое. Возникновение его здесь относится ко 2-й половине XVIII столетия, хотя наибольшее развитие приурочивается к более позднему времени, а именно к 1814—1819 г.г. Причину этого явления видят частью в усиленной пропаганде, частью в уничтожении скитов и часовен, частью же в усиленной строгости против беглых попов. Так ли это в действительности, трудно судить за отсутствием данных. Факт, однако, остается фактом. Золотое действительно является одним из видных пунктов населения поморства. Наглядителем беспоповства, первым бросившим семена этого учения на золотовскую почву, считают одного торговца иконами, выходяца из Актарска (предание не сохранило его имени). Ловкий, начитанный, знав-

*) „Записка“ Артемьева; дела секрет. ком. г. №№ XIV, стр. 1530.

**) „Записка“ Артемьева, стр. 33, 38.

***) „Отчет“ гр. Стенбока.

ший хорошо криковое пение, этот своеобразный начегчик быстро нашел себе последователей, из коих составил потом довольно значительную поморскую общину. На него, наконец, было обращено внимание властей, и последний скрылся, как полагают, около 1820 г. Другим пропагандистом беспоповщических идей (как это ни странно) был священник с. Золотого, о. Благовидов. Происходивший из старообрядческой семьи и унаследовав ее убеждения, он и под риской свидетельства, сохранил свои воззрения. На него писали жалобы, доносили, нередко запрещали от священнослужения, а в 1828 году о нем началась официальная переписка, как об опасном агитаторе «раскольниковых» идей. Несмотря на все это, о. Благовидов продолжал держать своих возлюбив и неизменно говорить крестьянам: «Ныне каждый сам себя знает, сама себя овца пасит, как знаешь, ибо верь егдылко, что спасение неизвество где и пайти».

Подобное отношение о. Благовидова к старообрядчеству спускало ему уважение сих последних, а гонение властей возвысило его авторитет в глазах всего населения села. Ревностным последователем о. Благовидова оказался и его зять, Федор Золотарев, бывший священником с 1804 по 1818 г.г. Корни беспоповщины так глубоко сидели в сознании всего рода Благовидова что как его семья, так и семья его зятя жили и померли в поморстве.

Нечаяно способствовало распространению поморства в с. Золотом пьяная и безразличная жизнь местного духовенства. Из «Летописи золотовской церкви» известны возмутительные случаи поведения причта еще в 30-х годах прошлого столетия. Так, например, «обходя приход со святой водой, священники ругались и дрались между собой, или напились в кабаке до бесчувствия и возли на спине кого-нибудь из крестьян по улице, при всей публичности. Нередко в пьяном виде, в полном облачении вмешивались в народные толпы, снимали с себя ризы, позволяли любому кощуннику надевать их на себя и всенародно плясать в них. Это делалось в самом Золотом, на глазах у начальства, что же бывало в отдаленных деревнях (не леть есь и глаголати!»¹⁾

Недостаточность документальных данных не позволяет хронологически проследить историю развития поморства в Золотом. Известно лишь, что в 1884 г. золотовские поморцы подали в министерство внутренних дел прошение о разрешении постройки новой часовни и об освобождении от обложения на поддержание местного «православного» храма. Министерство надело справку и оказалось, что часовня у них построена в 1878 г., и они ходатайствуют не о постройке новой, а лишь о подтверждении существующей. Ходатайство было отклонено²⁾ Но в 1885 г. саратовская консистория, извещая губернское правление о самовольной постройке золотовскими поморцами часовни, представила, в подтверждение, акт станового пристава, требуя эгем, чтобы правление возбуждало «дело», но последнее ответило неопределенно, и дело как то затихло.

¹⁾ «Летоис. золот. церкви» Сарат. истор. архив, карта а

²⁾ Дело губ. правления 1884 г., № 158.

В самом Камышине, судя по метрическим книгам Дмитриевского прихода, появление поморцев относится к самому началу XIX столетия, а именно к 1804 г. Первоначальными поморцами помечено семейство купца Софрона Лазарева, который прибыл из-под Москвы и поселился первоначально в с. Серяно, Камышинского уезда. Сначала он был «правоставным», но познакомившись с знаменитым поморским начетчиком Герасимом, жившем в д. Пряхине, присоединился к поморству и перешел жить в Камышине, приписавшись в купеческое сословие *). Отсюда поморство перешло в соседнюю деревню Суворову, где вскоре (в 1825 г.) возникла часовня (новоженов). На почве построения поморской часовни без разрешения возникло еще «дело» в с. Меловол. Камышинского уезда. Консистория, узнавшая об этом, сообщила губернскому правлению, прося о закрытии молебни и привлечении виновных к ответственности. Камышинскому исправнику было предписано затеять молеблю и произвести дознание. Меловцы обратились было с ходатайством о распечатании, но прошение, не по форме составленное и неоплаченное гербовым сбором, было возвращено просителям **). Такая участь постигла поморцев с. Шилова, которые просили разрешение устроить молеблю в доме одного из прихожан ***).

Вверх по Волге поморство первоначально осело в соседнем от Саратова уезде Вольском. Самый город Вольск с момента своего возникновения был городом старообрядческим. С одной стороны половина с еи монастырями на Иргизе: с другой беспоморство, среди коего преобладало поморство, благодаря его наибольшей устойчивости и организации, свили здесь прочное гнездо. В 80-х годах прошлого столетия на стороне поморства стояли здесь видные купцы—Рошковы, Невитовы, Галкины, Будниковы, Сипицыны и др., которые группировали вокруг себя мещанское и крестьянское население своих последователей. Со стороны поморцев здесь были представители обеих его течений—брачников и безбрачников (или федосеевцев). Молебни их, сначала простые молитвенные дома, помещались—одна у мещанина Лушникова, другая—у вдовы мещанки Дарьи Ивакиной, хотя купечество имело молебни в своих домах и редко бывали в общих молебнях ****). Официальный орган духовной власти «Саратовские Епархиальные Ведомости», дает следующую характеристику вольскому поморству: «В поморстве вольского уезда не замечается чисто федосеевское согласие по польскому уставу, но везде более известно дапиловское или выговское согласие. Местное поморство, до крайности изуверное по своим убеждениям, строгое по жизни, особенно в среде стариков-отцов, питает свои верования больше сочинениями своих поморских наставников, в роде Денисовых, разными цветниками и сборниками, к писанию же божественному и отеческому прибегает только по нужде, для обороны от нападений православных.

Флегматов. „Ист. записка о местном расколе в г. Камышине“, „Сар. Епарх. Вед.“ 1876 г. № 24.

) Дело губ. правл. 1885 г. № 143.

*) Там же, 1886 г. № 35.

) „Сарат. Епарх. Вед.“ 1882 г. № 20.

потая всякое писание старинное» одного достоинства, от единого Св. Духа *).

В Вольском уезде поморство появилось ранее других уездов Саратовской губернии. Родиной его является с. Воскресенское. Появление его здесь относится ко 2-й половине XVII века, т. е. к самому началу раскола русской церкви; возможно, что первые основатели Воскресенского скита на берегу Волги—старообрядцы—не принятый элемент, но коренные жители, поселившиеся здесь еще до начала раскола. В 40-х годах прошлого столетия, как сообщают «Саратовские Епархиальные Ведомости», в переселенных село оврагах, было до 40 раскольнических келий, где жили старообрядцы разных селений **). Кроме Воскресенского и его окрестностей, поморцы были обнаружены в с. Юловке, в Барнуковке и Труевой Мазе ***). Открывая место поселений старообрядцев, власть духовная тотчас же принимала против них соответствующие меры, ограждая своих чад от уклонений в «раскол». Так, в 1828 г. энгельсский Ириней просил губернатора произвести следствие о распространении по Балтаю, Вольского уезда, секты поморцев и сизасовцев. Руководителем поморцев выставлялся кр. Афанасий Ерофеев, который совратил в Балтае до 36 чел. Об этом Ерофееве духовенство заявляло, что он способен совратить в поморство все село. На представление губернатора комитет министров 1-го октября 1829 г. постановил сослать Ерофеева на поселение в Сибирь, а совратенных им в недавнее время 23 человек отправить в консисторию на увещание ****).

Для характеристики увещаний и роли увещателей позволим себе привести здесь отзывы очевидцев, пагубно ренеющих это бессмысленное явление.

— «Целыми толпами пригоняли их (старообрядцев) в Саратов для увещания.—рассказывает очевидец-современник.—и здесь они подвергались разным мытарствам: по целым неделям ходили они в консисторию, чтобы им назначили увещание. Увещатели обращались с ними грубо; вместо увещания и бесед, держали у себя по целым неделям, иногда в самую страдную пору, желая этим вынудить их обращение в православие, а некоторые употребляли для своих работ. Иногда увещателями назначались из учителей семинарии, живших в самом здании ея, и тогда семинаристы любовались, как человек тридцать просят увещателя отпустить их домой. На вопрос увещателя: «обратятся ли они в православие?» раскольники обыкновенно отвечали: «в какой вере жили наши отцы и прадеды, в такой и мы будем жить. Пощади, корчизел!».

— Ну, вас к ...!—говорил увещатель, и уходил». («Вестник Европы». 1908 г., июнь. №6—7—8, ст. Ветринского. «Ранние годы Н. Г. Чернышевского»).

Наибольшее количество «дел» по старообрядчеству в Саратовском крае падает на 30-е и 40-е годы: ими изобилуют и губернские и уездные архивы, не говоря уже о консисторских. Причину этого исключи-

*) «Сарат. Епарх. Ведом.» 1822 г. № 21.

**) «Сарат. Епарх. Вед.» 1879 г. № 231.

***) Сарат. ист. арх. I, А. № 10.

****) Дело Вольского уездного суда 1826 г. № 56

тельного явления служил епископ Иаков, ревностнейший «искоренитель раскола». Он не упускал ни одного самого незначительного случая, чтобы не реагировать на него в той или иной степени. Хотя его в это время занимала большая поповщина с ея Иргизом, по и беспоповству он уделял свое внимание. Его агенты и благочинные постоянно доносили ему о «раскольничьих» делах, и он немедленно принимал «меры». Доносил ему благочинный с. Донгуза, Архангельский, что «двое раскольников с Балтая свели своих детей на купножительство с односектантами из Базарного-Карабулака, и Иаков добивается развода брака, причем комитет министров 26 сентября 1844 г. постановил: предоставить епархиальному начальству внушить Гаврилову и Алексею (виновникам брака) о необходимости освятить сожитие венчанием, а в случае безуспешности увещания выдержать в тюрьме по 3 дни каждого *).

Иногда в поспешном донесении перепутывались даже факты, но что не удерживало Иакова от дальнейших выступлений. Так 14-го марта 1844 г. Иаков доносит губернатору, что в с. Синодском распространяется поморство из дер. Ключей (тогда как поморство появилось в Синодском гораздо раньше, а именно в 1812 г.). Уездный суд постановил: 9 чел. подсудимых отдать в солдаты в кавказский корпус, 9 негодных к военной службе и женщин сослать в Закавказье. Но комитет министров смягчил этот приговор, постановив: 8 человек выдержать в тюрьме по 2 недели каждого и оставить на месте жительства **). Нечто подобное произошло в с. Балтае в 1844 г. Крестьянин этого села, поморец, Андрей Игнатьев, задумав жениться, подал в губернское правление прошение, в котором заявляет, что местное начальство препятствует ему вступить в брак по обрядам своего вероучения. Правление запросило исправника, что не имеется ли за Игнатьевым других каких-либо причин, препятствующих браку. Исправник подтвердил, что нет и получил предписание не препятствовать браку Игнатьева. Узнав об этом, Иаков пишет донесение губернатору на исправника Безобразова, что последний потворствует «расколу», чем усиливает «холодность к церкви» между балтайскими православными прихожанами. На запрос губернатора исправник отвечает, что Игнатьев ничего без дозволения не сделал, и он, Безобразов, исполнил только указ губернского правления. «Холодность» же прихожан стоит в связи не с этим браком, а с редкой службой духовенства в Балтае и с дурной нравственностью этого духовенства. Иаков нажал все пружины, чтобы «насолить» исправнику за столь не лестный отзыв о духовенстве, и вот губернатор предписывает вольскому уездному судье Васильеву произвести следствие по этому делу. Дело кончилось 16-го ноября 1848 г. постановлением комитета министров: Старика-отца Игнатьева заключить на 1 мес. в тюрьму, за воспитание в расколе своих детей, крещеных в церкви: молодых—увещевать в консисториях, а о Безобразове разобрать местному начальству ***). Кроме поповщины сел. поморцы находились и в других селах Вольского уезда, как-то в с. Дон-

*) Дело Вольского уездного суда 1840 г. № 244.

***) Дело Вольск. уездн. суда 1844 г. № 335.

***) Дело Вольск. уездн. суда 1846 г. № 397.

гузе. в Большой Чернавке, Бараповке, Рыбном, Годячке, в дер. Поддмасове (жителей 761 и почти все поморцы) и в Сосновке. Главарем поморцев здесь был в 1880 годах крестьянин Двоенов, у которого находилась тайная молезна и здесь же собирались читать старинные книги *)).

Но особенно сильно развилось поморство в Хвалынском уезде. В самом Хвалынске оно не так значительно, хотя официальные сведения о нем довольно ранни. В истории хвалынского поморства данные относятся к началу XIX столетия, а именно к 1826 году. В этом году, 19-го октября, саратовский епископ Ириней доносил синоду, что в Хвалынске проагандируют «раскол» двое лиц—купец Федор Челищев и мещанин Алексей Кожевников. Названные лица совратили от «православия» в «раскол» 26 семейств. Увенчание священников Михаила Кошьева и Андрея Крешкогорского не имели успеха, и Ириней просил губернатора привлечь названных лиц к ответственности **).

Ядром поморства в Хвалынском уезде является с. Самодуровка, стяжавшая большую известность в судебном мире, благодаря множеству доносов духовенства и судебных «дел». Возникновение поморства в этом селе относится ко времени его заселения, т. е. к 30-м годам прошлого столетия. Первыми пасельщиками считаются выходцы из Запорожья, Московской губернии и Егорьевска, Рязанской, которые, будучи поморцами, привнесли сюда свое учение. Кроме того, наезжавшие сюда продавцы икон из Поморья содействовали еще большему укоренению поморского учения в крае. Из числа последних особенное влияние оказывал некий Иван Петров. Приезжая в село, он начинал свою проповедь с указания на последние времена, на пришествие антихриста: «Напрасно,— говорил он,— ходите вы в церковь: там нет ни одной иконы, какие есть у нас в Поморье; в церкви—табашники, бритосуы, щепотники, а всяк, прикасаясь им, сообщается и делом их: там всяку—антихристово печаль». Уезжая из Самодуровки, Иван Петров передал свое право наставничества крестьянину Алексею Петрову, или Апопю, как переименовал его Иван Петров, давший ему иноческую камлавку ***).

Антоний жил по иночески, в келье и стяжал среди своих последователей большое уважение. В 1839-году совершителями гроб в Самодуровке были Афанасий Сычев и Поликарп Ефимов ****). За эти годы доносителем в синод о самодуровских поморцах был епископ Ириней, от которого почти регулярно поступали эти доносы. Одно из первых донесений было 8 мая 1827 г. Здесь Ириней писал в синод, что в приходе с. Самодуровки, состоявшем из 840 муж. рев. душ, до 1826 г. было раскольников поповцев 18 душ, а прочие хотя духовенство принимали, но втайне содержали раскол и поморские секты: в 1826 г. они, в числе 300 душ явно обнаружили себя поморцами, по совращению экономического крестьянина того села Афанасия Иванова Сычева и приезжающих из Поморья старцев: впрочем, рошльницы их принимают очистительные молитвы

*) „Сарат. Губ. Вѣдом.“ 1879 г. № 193

**) Дело синода 1824 г. № 764, л. 21.

***) Рукопись Сарат. дух. семинарии № 1, л. 150- 152.

****) Рукоп Нижегород. дух семин. № 3774.

от приходского священника, а некоторые и крещение младенцев, прочих же крестят Сычев и поморские старцы. Браки совершают вообще все в церкви, покаяния не принимают; мертвые тела погребают без священника, на особом от кладбища месте: имеют две моленные, в коих Сычев и другой, неизвестный по имени, приехавший с ним из Саратова раскольник-старец отправляют службы-всенощные, часы и др. молитвословья, чем самым равно и жеученным своим прельстил и прочих села жителей, так что в нынешнем году уклонилось в поморскую секту почти все село и осталось в православии не более 100 душ *).

Ввиду того, что самодуровский приход грозил распасться, священник этого прихода Ив. Дмитриев решился на фиктивный донос. 10-го сентября он писал Иринею, что еще 14 чел. самодуровских отступили от православия. Обеспокоившись этим, Иринея писал в Самодуровку для увещания отпавших священника-миссионера Перихонского. Убедившись в бесплодности своих увещаний, Перихонский, совместно с заседателем земского суда Суконцевым, приступил к следствию. Обвиняемые заявили, что в «православие» никогда не переходили и подписки в том никакой не давали. Духовенство представило их подписку, но она оказалась подписанною одним лицом за безграмотностью обвиняемых, а подписавший объяснил, что он был при подписании пьян и подписал поезжан, что поименованные в подписке поморцы согласны принять православие. Уголовная палата оправдала обвиняемых, а подписавшего за них кр. Егорова оштрафовала на 10 руб., церковный же причт (аз неправильное показание) предоставила суду консистории **).

Священник Перихонский, коему поручено было увещевать самодуровских поморцев, после нескольких попыток, рапортовал епископу Моисею (заменившему Иринею), что самодуровские крестьяне «совсем сошлись с пути истины». Главными виновниками своей неудачи он считал вольского городского голову поморца Ивана Ефимова и исправителя треб в Самодуровке Афанасия Сычева. Получив допесение об этом, губернское правление потребовало от палаты уголовного суда копию с ее определения по делу о совращении в раскол поморской секты крестьян разных сел и деревень Хвалынского уезда в 1827 году. Справка эта показала, что следствие производилось о 1570 душ муж. и 1603 душ женщин, совратившихся в секты «раскольническую и поморскую». Из этого количества обратилось к «православию» только 84 мужч. и 78 женщин. Обвиняемые показали, что они перешли в «раскол» добровольно. Названные совратителями лица, в том числе старообрядческий священник Михаил Иванов, оказались невиновны. Из этого «дела» уездный суд увидел, что «раскол» сильно развивается в Хвалынском уезде, так что в Самодуровке почти все поступили и состоят в поморской секте». Наставник Сычев, опрошенный по этому делу, заявил, что ему теперь 60 лет, читать умеет. писать—нет. Лет 9 назад, «по благословению приходивших в г. Саратов секты нашей неизвестных ему монахов, принял отеческое наименование. Затем, ввиду отказа духовенства венчать рас-

*) Дело сивода 1824 г. № 764.

**) Дело Хвалынского магистрата 1829 г. № 6.

гольнические браки без предварительного принятия православия. он стал венчать своих односектантов и совершать у них другие требы: явного богослужения не производил, в секту свою никого не совращал. Браки Сычев совершал в молельной, остальные требы—в своей келье. Спрошенные свидетели подтвердили показание Сычева, почему палата признала нужным его освободить ⁴⁾.

Ничего не мог поделать с упорными самодуровскими «раскольниками» и епископ Иаков, сменивший Моисея. Со свойственным ему замалчиванием истинного положения дела, он в 1838 г. сообщает синоду, что совратившихся в поморство самодуровских крестьян он сам увещевал в бытность в этом селении и что его увещание произвело на совратившихся благоприятное впечатление (?) Приходскому священнику им поручено заняться обращением заблудившихся ⁵⁾.

Однако, миссионер Дьяконов, пробывавший свои силы на обращении самодуровских поморцев, доносил, что несмотря на все его старания самодуровцы «в разум истины еще не пришли».

Синод очень заинтересовался ходом дела по обращению самодуровских поморцев, почему от 2-го сентября 1838 г. и предписал Иакову ежегодно доносить об успехах увещевания. Иаков медлит, ожидая благоприятных результатов. Наконец, 18-го ноября он вынужден был сообщить, что увещания самодуровцев остаются безуспешными, да и надежды на обращение их в православие не предвидится ⁶⁾.

В июне Иаков снова посетил Самодуровку и тоже с целью увещания. Потерпев неудачу и на сей раз, он доносил синоду об этом в таких выражениях:

— «Прилагал всевозможные старания к вразумлению утопающих в невежестве раскольников, но они, опираясь на то, что имеют свои молитвенные храмы, остались непреклонными».

В целях более успешной борьбы с заблуждением поморцев, Иаков проектировал следующую меру: «В Самодуровке уничтожить молитвенные храмы, воспретить публичные собрания поморцев на молитву и сослать в отдаленные места главных лжеучителей и наставников их».

Из документов не видно: применил ли синод к самодурским поморцам проектируемые Иаковым мероприятия, или предоставил все времени и естественному ходу событий: несомненно одно, что ни качественно, ни количественно поморцы не пострадали. Как протекала в дальнейшем жизнь самодуровцев тоже неизвестно: документы об этом не говорят ⁷⁾.

Документальные сведения о поморцах в других уездах страдают тем же недостатком—отсутствием полноты и хронологической последовательности. Это в большинстве отрывочные данные о случайных правительственных мероприятиях, или допосах духовенства, и составить по ним что-нибудь последовательное, целостное не представляется возмож-

⁴⁾ Дело Хвал уездн. суда 1830 г. № 129.

⁵⁾ Дело синода 1824 г. № 764

⁶⁾ Там же, л. л. 300—301.

⁷⁾ К истории поморского согласия в с. Самодуровке и ее окрестностях имеется на месте у кого-то старинная рукопись с подробным перечнем настоятелей и главных поморских деятелей (Изд.).

ням. Возьмем Сердобский уезд. Здесь, известны всего лишь три случая, которые чуть-чуть открывают завесу, скрывающую внутреннюю жизнь поморцев, и это на протяжении почти 70-ти лет. Вот эти несложные сведения: 10-го апреля 1817 г. епископ пензенский Афанасий писал князю А. Н. Голицыну, что петровское духовное правление сообщило ему о совращении в теревнях Сердобского уезда—Миткирее, Грязнухе, Сюверие и Маче, имени графа Апраксина, всего в количестве 927 душ в раскол. Находя это делом серьезным, князь Голицын сообщил об этом синоду: последний постановил: снестись с сиб. генерал-губернатором, для принятия соответствующих мер. Генерал-губернатор сообщил князю Голицыну рапорт саратовского губернатора Панчулидзева от 18 февраля 1818 г. По дознании исправника оказалось, что совращение совершилось не вдруг, а подготовлялось издавна. Панчулидзева особенно подчеркнул это и обвинил во всем духовенство, причем настаивал, что для обращения 927 душ на путь истины необходимо не насилье совести, а посылка к ним священников, которые действовали бы кроткими христианскими внушениями. Синод согласился с Панчулидзевым и поставил Афанасию на вид, что духовенство небрегло своими обязанностями и поздно донесло, а потому необходимо назначить кротких священников, благонравных и искусных *).

Иногда обвиняемые в уклонении в «раскол» давали о себе письменные объяснения, что они сознательно и добровольно оставляют «православие». Такое письменное заверение было дано поморцами с. Репьевки, Сердобского уезда, 7-го декабря 1827 г. в ответ на увещание благочинного Максима Антонова: «Мы—истинные христиане, — писали они,—ибо веруем во Христа несомненно, но священников ваших не приемлем, потому что они поставляются неправильно и бывают развратные, а посему они, по нашему мнению, суть не поны, да и церковь ваша, по многим в ней перемена, есть еретическая, ибо лучше жить без жены, нежели брачиться в церкви от ваших попов, притом же истинный наш крест, которым мы полагаем на себе крестное знамение, вы проклипаете. Церковь мы имеем на небеси и в самих себе; священник нам ни в чем потворства не делал, а мы сами знаем свою веру и ограждаем себя всегда Иисусовой молитвой; учителей у нас особых, кроме своих грамотных, не бывает, следовательно, нам сообщаться с вами и ходить в церковь вашу весьма грешно и даже непростительно. Вот наши самые справедливые и истинные показания, от которых мы никогда не отступим, и обратиться в вашу веру не желаем, в чем и подписуемся».

Рассмотрев дело, уголовная палата произнесла над обвиняемыми суровый приговор, по которому двоих наставников—Федора Степанова и Михаила Филицова решено подвергнуть наказанию плетью (по 10 ударов) и ссылке в Сибирь на поселение, а 8 чел.—на увещание в консисторию. Но комитет министров от 20 января 1831 г. отменил этот draconический приговор, определив освободить обвиняемых с одним предупреждением, и только одну Васильеву, 56 лет, за нарушение данной ею подпи-

*) Дело синода 1817 г. № 503.

ски перейти в православие, решено сослать в Сибирь на поселение, однако, с отменой 5 ударов плетью, как это присудила было уголовная палата *).

Этим почти и кончаются официальные сведения о поморцах по Сердобскому уезду, если не считать просьбу крестьян дер. Мокшан, поданную ими саратовскому губернатору, о разрешении обратить в молельную жилое строение их односельчанина Ушакова. По полицейскому дознанию оказалось, что из числа 386 душ населения этой деревни «православных» всего 155 душ, остальные старообрядцы-поморцы, почему и храма «православного» нет в деревне. Исправник считал разрешение опасным для «православия», почему и губернатор, разделяя взгляд исправника, отказал в ходатайстве поморцев **).

Ни исправник, ни губернатор не имели права, в сущности, отказывать в этом вполне законном ходатайстве мокшанских поморцев, потому что закон 3-го мая 1883 г. определенно устанавливал, что старообрядцам разрешается устраивать молельни «как в жилых домах, так и в особо предназначенных для сего зданиях».

Не больше, если не меньше, других уездов богат сведениями по истории поморства и Кузнецкий уезд. Все они вращаются вокруг 2—3 судебных дел, возникавших часто по самым маловажным причинам. В самом Кузнецке поморство—недавнее явление, едва ли насчитывающее 60 лет своего существования. Родонаачальниками поморства здесь считаются двое лиц—кузнецкие мещане—Соломонов и Дыдин. Начитавшись старинных книг и особенно Кирилловой, они решили, что можно легко обойтись без священства. Убедившись в этом, они начали ревностно проповедывать свое учение и так энергично проводили его, что через два года их проповеди, т. е. в 1862 г., весь город знал о них. Они с книгами в руках ходили по домам жителей и бесстрашно проповедывали, что «в церкви греко-российской царит антихрист, священство погребло, всюду ересь и что все, именующие себя христианами, но не исповедующие поморства,—не христиане, потому что крещены в ереси, а еретическое крещение несть крещение, по паче осквернение». Проповедники поморского учения шли из явную опасность, шли стойко, сознательно, не задумываясь о последствиях; шли открыто, прямо «не обинуясь», и эта проповедь невольно убеждала, покаяла. В этом экстазе проповедников и нужно искать успех поморства, его распространение и стойкость. Проповедь эта была так понятна простому народу, так естественна его пониманию, что раз он принял это учение, то становился убежденным его проповедником, не смотря ни на увещания, ни на угрозы. Отсюда становится понятным то явление, почему на увещаниях миссионеров так мало было случаев обращения. Как иллюстрацию, можно привести здесь переживания одного из таких проповедников, описанные им самим:

— «Начал я,—говорит он,—проповедь, не боясь никого. Придешь бывало к кому в дом, где сидят за работой. Поздоровавшись с хозяевами, ни слова не говоря, начнешь им доказывать, что они погребли,

*) Дело Сердобского уездного суда 1828 г. № 161

**) Дело губ. правл. 1885 г. № 115.

кто питаются не истинным хлебом учения Господня, а ядом антихриста, не имеют даже крещения. Часто бывало выгонял меня и били, я же не унывал, принимая все ради Господа».

Не всегда, однако, все обстояло благополучно и в поморстве. Нередко случалось, что и среди них самих происходили несогласия. Так в 70-х годах, если верить «Саратовским Губернским Ведомостям», среди поморцев вышло разногласие и даже разделение из-за молитвы Иисусовой. Одна сторона держалась убеждения, что крестное знамение нужно совершать на себе с таким расположением молитвы: Возлагая персты на чело, нужно говорить «Господи»; низводя руку на живот, говорить «Иисусе Христе»; кладя руку на правое плечо— «Сыне Божий; на левое— «помилуй нас». Другие видели в этом повешество, ересь.—разделение естеств во Христе. Споры разобщились друг от друга до того, что не имели между собою общения^{*)}.

В Петровске основателем поморства был мещанин Коновалов, который, живя в бедности, искал заработка на стороне. Скитаясь по сторонам, он встретился с последователями поморства и стал упорным последователем этого согласия. Возвратившись на родину, он не остался пассивным последователем нового учения, но стал деятельно и энергично его проповедывать. Сначала малочисленная община собиралась на молитву тайно, по домам, а потом, увеличившись количественно и освоившись с положением, стали собираться открыто, в специально устроенной молельне, вблизи «православного» монастыря^{**)}.

Судя по отчетам «православного» братства св. креста за 1876 г. поморство распространилось и по Петровскому уезду; по крайней мере это можно сказать о селе Верхозиме, где поморство есть в обоих своих разветвлениях^{***)}.

Переходя обзором на низовье Волги, мы видим, что и здесь поморство осело довольно густо. Возьмем посад Дубовку. Населенная в 1722 г. разными выходцами, как из внутренних губерний, так и из соседнего «Тихого Дона», Дубовка изобиловала и различными религиозными группами, среди коих видное место занимали поморцы, которые, благодаря своей пропаганде, создали себе прочное положение среди других согласий старообрядчества.

Рассматривая поморство в Саратовском крае, приходится коснуться частью и Самарской губернии, потому что до 50-х годов прошлого столетия значительная часть этой губ. принадлежала Саратовскому краю. Здесь, в с. Теликовке, Николаевского уезда, в 1836 г. объявилась новая секта, названная «московской» или «чистой».

Исполнителями треб этих сектантов были приезжавшие из Самодуровки наставники. В последствии выяснилось, что это никто иные, как поморцы, с тою лишь разницею, что престарелые поморцы не общались ни в нище, ни в питье, ни в молитве с молодыми. На исповеди они часто ездили в Саратов к наставникам Афанасию Антонову и Гавриле Васильеву. Некоторые старожилы считают, что поморство в Тели-

*) «Сарат. Епарх. Ведом.» 1870 г. № 10.

***) Дело дух. комитет. 1876 г. № 970, л. 200.

***) Отчет братства св. креста 1876 г., стр. 39.

говке возникло в 1820 г. *). Известно, что в Николаевском уезде, в Алексеевском лесу у поморцев был особый скит, который существовал до 40-х годов прошлого столетия **). С того примерно времени известно существование поморцев и в соседнем уезде Новоузенском ***).

Нередко в глуши лесной то тут, то там возникали скиты и одинокие келья отшельников, которые, таясь мира, уходили в пустынные места, «взыскую града небесного»; о них мало известно, и только память глубоких старцев сохранила о них воспоминание, как о рассадниках древнего благочестия и непоколебимой веры.

* * *

Заключение.

Отсутствие соответствующего материала препятствует исследованию религиозно-бытовой жизни поморцев в некоторых уездах Саратовского края, хотя несомненно, что они существовали и существуют во всех их и притом в гораздо большем количестве, что это известно официальной статистике. Причина, почему о них не говорят архивные документы судебных и административных учреждений, заключается, по моему мнению, в том, что для жителей данных мест исполняли свои религиозные обязанности весьма осторожно, не вызывая подозрения властей: или среди них не было выдающихся деятелей, которые бы открыто проповедывали их учение; или же, наконец, местные власти были благожелательно настроены к старообрядцам и поэтому не давали огласки возникавшим подозрениям. Единственно, что могло бы оказать содействие исследователю—это **собрание исторического материала на местах, среди самих поморцев**, и особенно старожилов, что дало бы возможность более рельефно обрисовать последующую жизнь поморства в его эволюции, особенно в годы религиозных свобод. Во всяком случае это—очередная задача, осуществить которую должно помочь само поморство. Без этого коллективного содействия невозможно более или менее точное решение данного вопроса, который является частью более обширной работы—Истории поморского согласия в России ****).

Инв. № _____

Отд. I

Ф. БИБЛИОТЕКА

*) Дело канцелярии губернатора 1837 г. № 5600. Ук. гд.

**) Рукопись Саратов. дух. семинар. № 2.

***) Там же, л. 270.

****) Продолжение настоящего труда уже начато и ведется Д. Антохиным под наименованием „Саратовские поморцы во второй половине XIX в.“. Названная работа предполагается в печати в издании В. З. Ясанова в скором времени.

ИЗДАТЕЛЬСТВО В. З. ЯКСАНОВА.

Саратов, улица Республики, № 7 (бывш. Немецкая).

1. Уголовный кодекс Р. С. Ф. С. Р. с алфавитным указателем, новыми исправлениями и разъяснениями (1923 год). Цена 25 к. зол.
2. Земельный кодекс Р. С. Ф. С. Р. с алф. предм. указателем, составленным *В. Н. Замятниным* (1923 г.) 20 коп.
3. Профессор *Н. Н. Фиолетов*—Церковь и Государство по советскому праву (1923 г.). 50 коп.
4. *Его же*. Союз советских социалистических республик, автономных республик и областей. . . 25 коп.
5. Проф. *Б. М. Соколов*—В преддверии символизма (курс лекций по истории новейшей художественной литературы 50 коп.
6. *А. Е. Галкин*—Венчалльные ризы (стихи) 1918 г. . 20 коп.
7. *Его же*. Полевое шестопсалмие (1922 г.). 10 коп.

Детские книги (в красках).

8. Бабушка и козлик (1922 г.) 20 коп.
9. Хитрая лисица (1922 г.). 20 коп.
10. Красная шапочка (1923 г.) 20 коп.
11. Басни Крылова вып. I (1923 г.) 20 коп.
12. Басни Крылова вып. II (1923 г.) 20 коп.

Издания по старообрядчеству.

13. *С. Быстров*.—Поморское согласие в Саратовском крае 20 коп.
14. *В. Яксанов*.—Старообрядческие духовные стихи *готовится 5-е издание* 30 коп.

Имеются в ограниченном количестве издания прежние (до 1919 г.).
